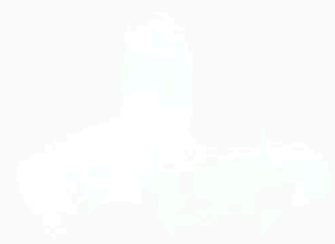

Tana
French
The Hunter

Тана
Френч
ОХОТНИК

роман

Tana French: “The Hunter”, 2024
Перевод: Ш. А. Мартынова

*Дэвиду, которому отныне всегда придется
быть со мной любезным*

1

Трей тащит через гору поломанный стул. Несет на плече, закинув за спину, ножки стула торчат у поясицы. Небо синевы до того раскаленной, что кажется глазу рованным, солнце жжет загривок. Даже едва слышная булавочно-колкая перекличка птиц — они слишком высоко, не увидеть — дребезжит от жары. Хозяйка стула предложила Трей подбросить ее до дома, но впускать эту женщину в свои дела у Трей склонности нет никакой, как нет ни склонности, ни умения поддерживать беседу всю поездку по ухабам горной дороги.

Пес Банджо вьет широкие петли по обочинам, вынюхивает и роется в густом вереске, который для июля слишком побурел и чересчур тяжело благоухает. Пес продирается сквозь заросли, они хрустко потрескивают. Каждые несколько минут, негромко пыхтя и постанывая от удовольствия, он прискакивает доложить Трей, что отыскал. Банджо — дворняга, черный с подпалинами, голова бигля, туловище и ноги от кого-то более коренастого, и он куда разговорчивее самой Трей. Кличку свою получил из-за белого пятна соответствующих очертаний на брюхе. Трей хотелось выдумать что-то получше, но она не горазда на вычурное и что б ни лезло ей в голову, получалось так, будто собаку назвал какой-нибудь задрот из книжки по школьной программе. В итоге она бросила это занятие, остановившись на Банджо. У Кела Хупера, американца, живущего внизу рядом с деревней, обитает братец Банджо по кличке Драч, и если псу Кела незамысловатое имя годится, такое же сгодится и псу Трей. Кроме того, почти все время бодрствования она проводит у Кела, а потому и собаки почти все время вместе, и если бы клички не сочетались, вышло бы по-дурацки.

К Келу Трей чуть погодя и отнесет стул. Они чинят людям мебель или делают ее, а еще скупают старую и битую, ремонтируют и продают по субботам на рынке в Килкарроу. Раз было, они подобрали приставной столик, он показался Трей никчемным: слишком уж мелкий и долгоногий, ничего на нем не удержится, но Кел глянул в интернете и оказалось, что столику тому почти двести лет. Когда они с ним разобрались, проданся за сто восемьдесят фунтов^[1].

У стула, который тащит Трей, две распорки и ножка в щепки, будто его пинали, подойдя к делу не спеша и прилежно, но когда стул у них с Келом будет готов, никто и не подумает, что он был сломан.

Сперва Трей зайдет домой пообедать, потому что ужинать она хочет у Кела; этим летом Трей растет так быстро, что распорядок дня у нее строится в основном вокруг еды, и гордость не позволяет ей заявляться к Келу на порог так, чтоб питаться у него дважды за день. За тем, чтоб не перейти черту, она следит четко-четко — будь ее воля, она б у Кела жила. У него там спокойно. На той верхотуре, где у Трей дом и далеко от любых других домов, должно быть тоже вполне спокойно, да только там толпа. Старшие брат с сестрой давно уехали, зато Лиаму и Аланне шесть и пять, и они почти все время почему-нибудь орут, Мэв — одиннадцать, и она почти все время ноет и хлопает дверью комнаты, которая у них с Трей одна на двоих. Даже когда так совпадает, что всем им хотя бы минуту-другую удастся не верещать, возню их слышно непрерывно. Мамка помалкивает, но в молчании у нее покоя нет. Оно занимает место, будто вокруг нее выстроено что-то тяжелое из ржавого железа. Лена Дунн, которая живет под горой, — и она же подарила Трей эту собаку — говорит, что мамка была когда-то болтушка и хохотушка. Трей не то чтоб не верит ей, но образ этот кажется ей непредставимым.

Банджо пулей выскакивает из вереска, в полном восторге от себя самого тащит в зубах что-то такое, от чего вонища на милю.

— Фу! — велит она. Банджо смотрит на нее укоризненно, однако пес он воспитанный, добычу свою роняет, та клекло плюхается на тропу. Тощее и темное — возможно, молодой горностай. — Хороший пес, — говорит Трей, отнимая руку от стула, чтобы потрепать Банджо по голове, но тот не умилоствлен. Вместо того чтоб опять умчаться галопом, трусит рядом, поникши с обоих концов, чтобы показать, до чего Трей задела его чувства. Кел зовет Банджо дитем малым. Драч-то боец, ему ногу оттяпай — и хоть бы что, а вот Банджо надо, чтобы люди уважали его страдания.

Склон местами делается крутоват, однако ноги к этой горе привычны и Трей с шага не сбивается. Из-под кроссовок вырываются мелкие вихри пыли. Трей поднимает локти, чтоб подсохли подмышки, но разницы почти никакой, ветра недостаточно. Ниже расстилаются поля, мозаика разных оттенков зеленого под произвольными углами

друг к другу, Трей знает их так же досконально, как трещины на потолке у себя в комнате. В разгаре покос: крошечные сноповязалки трюхают туда-сюда, ловко следуя за неисповедимыми изгибами каменных изгородей и оставляя за собой, словно помет, желтые цилиндры. Ягнята — белые лоскутки, рассыпанные по траве.

Трей срезает тропу через каменную стенку, осыпавшуюся так, что Банджо перебирается через нее без посторонней помощи, дальше по пустырю, который раньше был полем, в гущу узловатого бурьяна Трей по бедру, потом — в густую полосу ельника. Ветки cedят солнечный свет, дробят до просверков, что сбивают с толку, еловая тень холодит шею. Над нею мелкие птички, пьяные от лета, снуют туда-сюда, и каждая пытается быть громче всех. Трей залиvisto свистит им вверх и широко улыбается, когда все они замирают разом в полном безмолвии, пытаясь ее раскусить.

Трей выходит из ельника на росчисть за ее домом. Дом свежевыкрашен в сливочно-желтый, и крышу ему пару лет назад кое-где подновили, но ничто не способно скрасить его общий усталый вид. Конек проседает, оконные рамы перекошены. Двор — сплошь бурьян и пыль, по краям он сливается со склоном горы и усыпан всяким, что Лиаму с Аланной игрушки. Всех своих школьных друзей Трей сюда по разу притаскивала, доказать, что она ничего тут не стыдится, но повторно не звала. Она по умолчанию предпочитает ничего не смешивать. Все проще от того, что все ее друзья в любом случае не из этой округи. С людьми из Арднакелти Трей не тусуется.

Даже не закрыв за собой кухонную дверь, она знает, что дом изменился. Все напряженное и сосредоточенное, никакой мелкой возни и шума. Еще не успев осознать этот факт и уловить запах сигаретного дыма, она слышит в гостиной отцов смех.

Банджо исторгает фырк, предваряющий лай.

— Нет, — говорит Трей тихо и быстро. Хлопая ушами, пес отряхивает с себя вересковый мусор и грязь, бросается к миске с водой.

Минуту Трей стоит неподвижно в широкой полосе солнечного света, льющегося в дверь на истертый линолеум. Затем идет в коридор, двигаясь беззвучно, замирает у входа в гостиную. Отцов голос доносится ясно и весело, сыплет вопросами, на них в ответ что-то воодушевленно лепечет Мэв или бормочет Лиам.

Тре́й подумывает уйти, но хочет его увидеть, чтобы знать наверняка. Толкает дверь.

Отец сидит прямо посерединке дивана, откинувшись и улыбаясь, широко раскинув руки, обнимает Аланну и Мэв. Они тоже улыбаются от уха до уха, но вместе с тем и нерешительно, словно только что получили здоровенный подарок на Рождество, какой им может не понравиться. Лиам втиснут в угол дивана, смотрит на отца, разинув рот. Мамка на краешке кресла, спина прямая, ладони плашмя на коленях. Пусть она-то сама жила тут безвылазно, а отца не видать было четыре года, как раз Шила-то и смотрится так, будто ей в этой комнате не по себе.

— Ну боже всемогущий, — говорит Джонни Редди, сверкая Тре́й глазами. — Гляньте-ка только. Во малютка Тереза вымахала. Тебе сколько уже? Шестнадцать? Семнадцать?

Тре́й отвечает:

— Пятнадцать. — Она знает, что, если уж на то пошло, смотрится младше.

Джонни восхищенно качает головой.

— Оглянуться не успею, а уж буду твоих парней гонять с порога палкой. Или я опоздал? Завела себе парнишку-то уже? Или пару-тройку?

Мэв пронзительно хихикает и вглядывается ему в лицо — проверить, допустимо ли.

— Не-а, — без выражения отзывается Тре́й, когда становится ясно, что отец ждет ответа.

Джонни облегченно вздыхает.

— Есть время подыскать хорошую палку, стало быть. — Дергает подбородком, показывая на стул, который Тре́й забыла снять с плеча: — Это что? Подарочек мне принесла, а?

— Чинить буду, — говорит Тре́й.

— Она этим зарабатывает, — говорит Шила. Голос у нее яснее обычного, высоко на скулах пятна румянца. Тре́й не разберет, то ли мамка радуется, то ли злится, что он вернулся. — Мы на это микроволновку купили.

Джонни похохатывает.

— Яблочко от яблони, ха? Всегда была не промах. Умничка. — Подмигивает Тре́й. Мэв возится у него под рукой — напоминает

о себе.

Тре́й помнит его большим, а он мужчина не особо рослый, а вдобавок и хлипкий. Волосы того же мышинового бурого оттенка, что и у нее, падают косо на лоб, как у подростка. Отцовы джинсы, белая футболка, черная кожаная куртка — самые новые вещи в доме. Гостиная вокруг него смотрится еще неряшливей.

Тре́й говорит матери:

— Несу это Келу. — Разворачивается и уходит в кухню.

У нее за спиной Джонни говорит со смехом в голосе:

— Кел, значит? Из ребяток Сенана Магуайра?

Банджо все еще у миски с водой, шумно лакает, но, как только входит Тре́й, подскакивает, виляя всем задом и с надеждой поглядывая на свою миску для еды.

— Не-а, — говорит ему Тре́й. Подставляет лицо под кран, трет, смывает пот и пыль. Полощет рот и мощно сплевывает в мойку. Затем складывает ладонь чашечкой и долго пьет.

Услышав за спиной шум, резко оборачивается, но это Аланна — держит своего вялого плюшевого кролика под мышкой, другой рукой толкает дверь взад-вперед.

— Папа вернулся, — говорит она так, будто это вопрос.

Тре́й отзывается:

— Ну.

— Говорит, чтоб обратно шла.

— Я на улицу, — говорит Тре́й. Роемся в холодильнике, отыскивает ветчинную нарезку, пристраивает толстую стопку между двумя ломтями хлеба. Обертывает сэндвич бумажным полотенцем и запихивает в задний карман джинсов. Аланна, по-прежнему раскачивая дверь, наблюдает, как Тре́й закидывает стул на плечо, щелкнув пальцами, зовет с собой Банджо и устремляется на простор солнечного света.

Кел утюжит рубашки на кухонном столе и подумывает, не сбрить ли бороду. Когда, еще живя в Чикаго, он ее отращивал, представление об ирландской погоде составлял по туристическим сайтам, а те изобиловали сочными зелеными полями и довольными людьми в вязаных свитерах. Его первые два года здесь местный климат более-менее соответствовал рекламе. Это же лето, похоже, просочилось сюда

с какого-то совершенно другого сайта — возможно, посвященного Испании. Жара — того бесстыжего, неотступного свойства, какое Кел, уже привычный к тому, что во всяком дне есть сколько-то солнца, разнообразие облачности и несколько вариантов дождя, находит слегка неуютным. Не вяжется она с пейзажем, красоту которого создают нюансы и переменчивость, — и бесит фермеров: жара сломала им распорядок силосования и покоса, овцы от нее делаются раздражительные, она угрожает выпасу. У мужиков в пабе это главная тема для разговоров, важнее даже грядущих Национальных соревнований овчарок, женщины, которую старший пацан Зуда О'Коннора притащил себе в супруги из Дублина, и вероятной взятки, связанной с постройкой нового досугового центра в городе. Одно из мелких неудобств жары состоит в том, что борода Кела превратилась в накопитель тепла. Стоит Келу выйти на улицу, у нижней части лица словно возникает свой тропический климат.

Однако борода Келу мила. Исходно он ее смутно связывал с ранним уходом на покой — хватит с него быть легавым и выглядеть как легавый. Для публики же в округе Арднакелти борода оказалась без толку, они Кела вычислили сразу, не успел он распаковаться. Но для него самого она кое-что значит.

Даже в жару дома у него прохладно. Это домишко-недомерок 1930-х годов, ничего в нем примечательного, зато стены толстые и добротные, возведены дельно. При покупке домик готов был того и гляди развалиться, но Кел его возрождает — не спеша, раз почти никаких других обязательных дел у него нет. Комната, где он находится, — преимущественно гостиная и немножко кухня — достигла той точки, где уже не кажется, что в ней ремонт, здесь теперь просто приятно быть. Кел выкрасил ее почти всю в белый, восточную стену сделал бледной золотисто-желтой — по замыслу Трей — в тон падающему на нее закатному свету. Попутно приобрел мебель, чтобы дополнить то, что осталось от предыдущих хозяев, теперь у Кела есть три стула вокруг кухонного стола, старый письменный стол, за которым Трей делает уроки, кресло, линялый синий диван, которому не помешала бы новая обивка, и даже торшер. А еще Кел завел себе собаку. Драч в своем углу возле очага усердствует с костью из сыромятной кожи. Драч мелкий, вислоухий, телосложение у него — как у кирпичного сортира. Полубигль с милой мордой бигля

и случайными черными, рыжими и белыми пятнами — тоже как у бигля, а вот что там со второй половиной, Кел не разобрал. Подозревает росомаху.

В открытое окно летит восторженный гомон птиц — они-то не овцы, от жары и возникшего благодаря ей обилия жуков они ликуют. Ветерок втекает тихонько и нежно, как сливки. С ветерком заносит в окно и шмеля, он врывается в буфет. Кел дает шмелю время собраться с мыслями, тот в конце концов соображает, где окно, и зигзагом улетает прочь в солнечный свет.

От задней двери доносятся возня и всплеск счастливого лая. Драч пулей устремляется прочь из своего угла и мчит по коридору, прижимается носом к двери так крепко, что Кел не может ее открыть. Такое происходит всякий раз, когда появляются Трей с Банджо, но Драч, существо общительное, не запоминает — слишком воодушевляется.

— Назад, — приказывает Кел, отпихивая Драча ногой. Драч, трепеща, сдерживается ровно столько, чтобы дать Келу открыть дверь. Два юных грача спархивают с крыльца и улетают к своему дубу в глубине сада, хохоча так громко, что сами же кувыркаются в воздухе.

Драч бросается следом, клянясь порвать их в клочья.

— Вот же гаденыш, — весело говорит Кел. Со своей колонией грачей отношения он пытается наладить с самого приезда. Вроде получается, но отношения складываются не те, какие он себе воображал. У него была некая диснеевская задумка, что грачи станут носить ему подарочки и есть с рук. Те, несомненно, смекают, что Кел — ценное для их угодий приобретение, но в основном из-за того, что он оставляет им объедки, а также потому, что они над ним изгаляются. Когда им скучно, они орут ему в печную трубу, бросают камешки в очаг или стучат в окна. Лай — это что-то новенькое.

Почти у дерева Драч разворачивается кругом и несется вокруг дома к дороге. Кел знает, что это значит. Возвращается в дом выключить утюг.

Трей появляется на пороге одна: Драч и Банджо играют во дворе в пятнашки, гоняют грачей или же выкапывают что найдут под живыми изгородями. Собаки знают границы Келова участка — это десять акров, для песьих занятий более чем достаточно. Овец гонять и напрашиваться на то, чтоб их пристрелили, они не побегут.

— Сходила добыла вот, — говорит Трей, скидывая стул со спины. — У одной там женщины за горой.

— Классно, — говорит Кел. — Обедать будешь?

— Не-а. Уже.

Сам выросши в нищете, Кел понимает, почему Трей щетинится, когда ей что-то предлагают.

— Печенье в банке, если надо заполировать, — говорит. Трей топает к буфету.

Кел вешает последнюю рубашку на плечики и оставляет утюг остывать на кухонном столе.

— Прикидываю убрать вот это, — говорит он, дернув себя за бороду. — Что скажешь?

Трей останавливается с печенькой в руке и вперяется в Кела так, будто он собрался прогуляться нагишом по тому, что считается в Арднакелти главной улицей.

— Не-а, — категорически постановляет Трей.

Лицо у нее такое, что Кел скалится.

— Не-а? Чего это?

— Дурацкий вид.

— Спасибо, малая.

Трей пожимает плечами. В широком диапазоне смыслов этих ее пожатий плечами Кел разбирается хорошо. Это вот означает, что Трей свое сказала, а дальнейшее уже не ее печаль. Она сует остаток печенья в рот и забирает стул в меньшую спальню, которая стала их мастерской.

Разговорные навыки у малой уж какие есть, и поэтому в том, что Келу полагается знать, он ориентируется по распределению ее молчаний во времени и их качеству. Обычно она с темы так быстро не соскакивает, не обстебав то, как Кел будет выглядеть гладковыбритым. Что-то ее тяготит.

Кел уносит рубашки к себе в спальню и идет к Трей в мастерскую. Комнатка это маленькая и солнечная, покрашена остатками того, во что красили остальной дом, пахнет опилками, лаком и воском. Тут свалка всякой всячины, однако упорядоченная. Когда Кел осознал, что к столярному делу они подходят все серьезнее, они с Трей выстроили крепкий стеллаж для емкостей под гвозди, шпонки, шурупы, ветошь, карандаши, струбцины, воски, морилки, скипидары, фурнитуру для

выдвижных ящиков и все прочее. На досках вдоль стен висят рядами инструменты, под каждым — соответствующий ему контур. Кел начал с дедова сундука с инструментами и с тех пор обзавелся чуть ли не всеми столярными приспособлениями, что только есть, а также кое-какими, которых официально нет, — они с Трей смастерили их под свои нужды. Есть верстак обычный, верстак токарный и горка разноразмерных деревяшек для ремонтных работ. В другом углу — древнее тележное колесо, которое притащила откуда-то Трей, они хранят его на всякий, кто ж его знает, случай.

Трей распиливает кусок парусины по полу, чтоб обустроить на нем стул. Кости у стула крепкие. Сделан вручную и довольно давно: одна вмятина на сиденье — от множества задов, вторая, на передней перекладине, — от множества ног. Спинка и ножки — изящно выточенные веретена, украшенные там и сям кольцами и шариками. Впрочем, почти всю жизнь этот стул провел рядом со стряпней или огнем: из-за дыма, жира и слоев лака он теперь покрыт темной липкой пленкой.

— Славный стул, — говорит Кел. — Надо зачистить его, прежде чем что-то с ним делать.

— Я ей так и сказала. Она говорит ладно. Это дед ее делал.

Кел наклоняет стул оценить ущерб.

— По телефону она сказала, что его кошка уронила. — Трей выдает скептическое «пффт».

— Ага, — говорит Кел.

— Ейный Джейден из моей школы, — сообщает Трей. — Он гад. Мелких бьет.

— Поди знай, — говорит Кел. — Вот это все надо менять. Какое дерево, по-твоему?

Трей осматривает сиденье — оно благодаря тем многочисленным задам осталось достаточно чистым, можно разглядеть текстуру — и места сломов.

— Дуб. Белый.

— Ага, по-моему, тоже. Давай-ка глянем, есть ли у нас подходящий толстый кусок, чтоб выточить. Насчет подходящего цвета не бери в голову, все равно придется морить. Главное, подбери текстуру как можно точнее.

Трей усаживается на корточки рядом с кучей деревяшек и принимается в ней копать. Кел уходит в кухню и замешивает в старом кувшине белый уксус с теплой водой. Затем стирает тряпичной пылью со стула, предоставляя малое пространство для слов, если ей захочется поговорить, а сам пока наблюдает за ней.

Она подросла. Два года назад, когда Трей впервые появилась у него на заднем дворе, была она тщедушным молчаливым дитем с собственноручно выбритой головой и свойственной рыси-недоростку тягой и драгаться, и драпать. Теперь она Келу по плечо, ежик под машинку сменился просто грубой короткой стрижкой, в лице возникла новая ясность, и у него в доме Трей возится и располагается так, будто тут живет. Она даже целые разговоры ведет — ну или, во всяком случае, большинство дней оно так. Ни лоска, ни изящества, какое понемногу развивается у некоторых подростков, в ней нет нисколько, однако она все равно подросток — и ум, и жизнь у нее день ото дня становятся все изощренней. Под всем, что она говорит о школе, о своих друзьях и о чем там еще, появляются новые слои. У Кела с этим хлопот побольше, чем даже, судя по всему, у нее самой. Стоит ему нынче уловить что-то у нее на уме, ужас в нем расплескивается широкий и темный. В пятнадцать лет слишком многое может случиться и нанести слишком большой ущерб. С виду Трей по-своему непробиваема, как дерево твердой породы, однако столько ударов приняла за жизнь, что где-то там не может не быть трещин.

Кел отыскивает чистую ветошь и принимается оттирать стул уксусным раствором. Липкий слой сходит хорошо, на тряпичке остаются длинные бурые следы. За окном с дальних полей доносится залиvistое пение дроздов, в клевере, заполонившем сад Кела, пируют пчелы. Собаки нашли палку и теперь тянут ее друг у друга.

Трей, держа рядом для сравнения две деревяшки, говорит:

— Отец домой вернулся.

Все в Келе застывает намертво. Среди всех страхов, какие в нем болтались, этого не было.

После, кажется, долгого молчания Кел спрашивает:

— Когда? — Вопрос дурацкий, но ничего другого в голову не приходит.

— Сегодня утром. Пока я стул забирала.

— Ясно, — говорит Кел. — Ну. Он насовсем? Или на время?

Трей вызывающе пожимает плечами: без понятия.

Жалко, что Кел не видит ее лица.

— И как тебе?

Трей отвечает без выражения:

— Нахер его.

— Ладно, — говорит Кел. — Справедливо. — Может, ему полагается загрузить малую какой-нибудь фигней, включающей в себя слова «но он же твой папка», но Кел взял за правило никогда не грузить Трей фигней, а его чувства к Джонни Редди, так уж вышло, совпадают с ее.

Трей говорит:

— Можно я тут на ночь останусь?

В голове у Кела все опять замирает. Он продолжает оттирать стул, сохраняя ровный ритм. Чуть погодя говорит:

— Беспокоишься, что отец может отчебучить что-нибудь?

Трей фыркает.

— Не.

Судя по голосу, правду говорит. Кел слегка расслабляется.

— А чего тогда?

Трей говорит:

— Нечего ему вот так запростяк обратно вкатываться.

Она к Келу задом, копается в деревяшках, но вся спина у нее горбится напряженно, сердито.

— Ну да, — говорит Кел. — Мне б, наверно, так же было.

— Можно остаться-то, а?

— Нет, — говорит Кел. — Нехорошая тема.

— Чего это?

— Ну, — говорит Кел, — отцу твоему может не понравиться, что ты слиняла, не успел он объявиться. И, похоже, мне бы не начинать с того, чтоб сразу его выбесить. Если он тут застрянет, я бы предпочел, чтоб ему не поперек было, что ты тут болтаешься. — На этом всё. Она уже достаточно взрослая, чтоб, во всяком случае, соображать насчет других причин. — Я позвоню мисс Лене, спрошу, может, ты у нее переночуешь.

Малая собралась было спорить, но передумывает и закатывает глаза. Кел с удивлением понимает, что ему как-то шатко, словно он

только что упал с верхотуры и ему бы теперь сесть. Опирается задом о верстак и вытаскивает мобильник.

Поразмыслив, пишет Лене, а не звонит. «Можно Трей у тебя сегодня переночует? Не знаю, слыхала или нет, но вернулся ее папаша. Не хочет с ним тусить».

Сидит неподвижно, смотрит, как солнечный свет елозит по худеньким плечам Трей, — та вытаскивает деревяшки и откладывает их, — пока Лена не отвечает. «Бля. Немудрено. Ага пусть ночует запросто».

«Спасибо, — пишет Кел. — Пришлю ее к тебе после ужина».

— Говорит, она не против, — сообщает он Трей, убирая телефон. — Только мамке скажи, где ты. Или попроси мисс Лену сказать.

Трей закатывает глаза еще энергичней.

— На, — говорит, протягивая ему плинтус из старого дуба. — Такое?

— Ну, — говорит Кел. Возвращается к стулу. — Годится.

Трей помечает плинтус черным «Шарпи» и кладет обратно в угол.

— Эта хрень сходит? — спрашивает она.

— Ну, — отвечает Кел. — Легко и просто.

Трей отыскивает чистую тряпку, макает в уксусную смесь и крепко отжимает.

— А если ему не в жилу будет, что я сюда хожу?

— Считаешь, напряжется?

Трей осмысляет.

— Ему раньше всегда насрать было, где мы.

— Ну и вот, — говорит Кел. — Скорее всего, ему и на это будет насрать. А если нет, тогда и разберемся. — Трей бросает на него быстрый взгляд. Кел повторяет: — Разберемся.

Трей кивает — один решительный дерг головой — и берется за стул. От того, что его слово по-прежнему ее успокаивает, Келу опять хочется присесть.

Может, оно и успокаивает, однако Трей все еще необщительна — даже по ее собственным понятиям. Через некоторое время Драч с Банджо, загнанные жаждой, заходят в открытую переднюю дверь, долго и шумно пьют из своих мисок и заскакивают в мастерскую, требуя внимания. Трей садится на корточки и сколько-то с ними

возится, даже посмеиваясь, когда Драч толкает ее под подбородок так сильно, что она плюхается на зад. Затем собаки валяются в свой угол отдыхать, а Трей вновь берется за тряпку и возвращается к работе.

Келу тоже не особо хочется разговаривать. Того, что отец Трей может вернуться, Кел не предполагал ни на миг. Даже целиком и полностью плод баек, Джонни Редди всегда казался Келу типом, каких он уже повидал, порядок действий у таких — вкатиться куда-нибудь, прикинуться кем-нибудь сообразным обстановке и поглядеть, чем при таком новом наряде можно поживиться, пока тот не сносится и не перестанет прикрывать хозяина. Кел не в силах измыслить ни единого хорошего повода, с чего бы Джонни Редди возвращаться сюда — в то единственное место, где тот не может рядиться ни в кого, кроме себя самого.

Лена развешивает белье. Это занятие приносит ей неумеренное тайное удовольствие. Позволяет остро прочувствовать окружающий воздух, теплый и сладкий от скошенных трав, щедрый солнечный свет, укрывающий ее с головой, а также то, что она стоит на том же месте, где и поколения женщин до нее, и занята тем же, а позади нее — те же зеленые оттенки полей и далекий очерк гор. Когда пять лет назад умер муж, она усвоила навык принимать, когда подвернется, всякий клочок счастья. Свежая постель или тост, намазанный маслом безусловно, способны все облегчать, дают перевести дух. Ветерок раздувает простыни на веревке, Лена поет себе под нос — тихие обрывки песен, услышанных по радио.

— Ой, да вы гляньте, — произносит чей-то голос у нее за спиной. — Лена Дунн. Красава неопикуемая и двойной шикардос.

Лена оборачивается и видит Джонни Редди — тот опирается о заднюю калитку и оглядывает Лену с головы до пят. Джонни всегда умел эдак изучать тебя взглядом, будто вспоминает — одобрительно, — какова ты в постели. Поскольку в Лениной постели он ни разу не бывал и не побывает, ей это все без разницы.

— Джонни, — говорит она, ответно оглядывая его с головы до пят. — Да, слыхала я, что ты домой вернулся.

Джонни похихатывает.

— Боже всеильный, вести тут по-прежнему летают быстро. Нисколько эти места не поменялись. — Улыбается ей ласково. — Да

и ты.

— Я-то поменялась, — говорит Лена. — Слава богу. А вот ты — нет. — Это правда. Если не считать мелкой проседи, Джонни смотрится точно таким же, каким был, когда бросал камешки ей в окно и возил ее и полдюжины других на дискотеку в город, все они набивались в «форд-кортину», рыдван его папаши, и неслись впотьмах, визжа на каждой колдобине. Джонни даже держится так же — легко и непринужденно, как молоденький. Подтверждает собой Ленино наблюдение: лучше всего стареют мужчины никчемные.

Он лыбится, проводит ладонью по волосам.

— Шевелюры у меня, во всяком случае, хватает. Это главное. Ты-то как, справляешься?

— Я шикарно, — отвечает Лена. — Сам-то как?

— Лучше не бывает. Дома классно.

— Славно, — говорит Лена. — Рада за тебя.

— Был в Лондоне, — сообщает ей Джонни.

— Знаю, да. Подался состояние сколачивать. И как, сколотил?

Ждет залихватской басни о том, как он был в двух шагах от миллионов и вдруг принесло какого-то негодяя и он увел те миллионы у Джонни из-под носа, — такая байка придала бы визиту Джонни какой-никакой интересности, чтоб хоть вполовину его оправдать. Да только Джонни лукаво постукивает себя пальцем по носу.

— Ну конечно, так я тебе и сказал. Стройка кипит. Посторонним вход воспрещен.

— Вот же ж блин, — говорит Лена. — А я каску забыла. — Возвращается к делу, подумывая, что Джонни мог бы, по крайней мере, подождать, пока она до упора насладится своим занятием.

— Помочь тебе? — спрашивает.

— Незачем, — говорит Лена. — Все уже.

— Великолепно. — Джонни распахивает перед ней калитку и широко взмахивает рукой: — Можешь прогуляться со мной, ну.

— Не одно только это у меня на сегодня.

— Остальное подождет. Ты заслужила передышку. Когда последний раз прогуливала целый день? У тебя раньше отлично получалось.

Лена смотрит на Джонни. Улыбка у него все та же, озорно прочерчивает на лице широкую складку, будит бесшабашность в тебе,

соблазняет счесть, будто ставки невысоки. Лена таких ставок и придерживалась — если не считать гонок на «кортине». С Джонни ей бывало потешно, но пусть и был он главным красавчиком и величайшим чаровником в радиусе нескольких миль от Арднакелти, не будоражил он Лену в той мере, чтоб подпустить его даже в лифчик. Нет в нем начинки, нечем ему было ее удержать. А вот Шила Брейди, тогдашняя Ленина подруга, продолжала верить, что ставки невысоки, а начинка там где-то есть, — пока не забеременела. И с тех пор инерция тащила лишь под горку да под горку.

Шила была достаточно взрослая и сообразительная, чтоб решать самостоятельно, однако инерция Джонни волокла вниз и их детей. К Трей Редди Лена успела проникнуться глубже, чем чуть ли не к любому другому человеку.

— Знаешь, кто б с радостью прогулял денек? — говорит она. — Шила. У нее тоже отлично получалось, было дело.

— Она дома с детишками, а то как. Тереза куда-то ушла — яблочко от яблони, она-то, нейметя у ней ногам. Остальные пока слишком малые, чтоб друг за дружкой приглядывать.

— Так иди давай, пригляди за ними, а Шила прогуляется.

Джонни смеется. Не принимает на свой счет — не стыдится, искренне, даже не раздражается. В том числе и поэтому никогда не тянуло Лену к Джонни: даже если видишь его насквозь и про то сообщаем, ему как с гуся вода. Сама в такое, допустим, не вляпаешься, но тех, кто вляпается, всегда бывало выше крыши.

— Шиле на эти поля небось и смотреть тошно. Это ж я по ним годами скучал. Пошли, подсобишь мне порадоваться им. — Приглашающе покачивает калиткой. — Расскажешь, что за делишки подделывала, пока меня не было, а я тебе расскажу, как у меня все шло в Лондоне. Парнишка этажом выше был с Филиппин, у него жил попугай, который умел ругаться на их наречье. В Арднакелти такого не увидишь. Научу тебя обзывать любого, кто тебя достает, саранчоным.

— Ту землю, на которой ты стоишь, я продала Киарану Малони, — говорит Лена, — вот что за делишки у меня. Увидит тебя здесь — погонит. Вот тогда его саранчоным и зови. — Подбирает бельевую корзину и уходит в дом.

Стоя в глубине кухни, наблюдает из окна, как Джонни отправляется вразвалочку через поле на поиски того, кому б еще поулыбаться. Выговор у него точно не изменился, надо отдать ему должное. Лена поспорила бы, что, вернувшись, Джонни станет болтать, как Гай Ричи, но нет, по-прежнему говорит как парнишка с гор.

Что-то копошилось у нее на уме, и вот теперь, когда гнев гаснет и освобождается простор, оно вылезает на поверхность. Джонни всегда нравилось заявиться под фанфары. Когда он возникал у нее под окнами, от него пахло дорогим лосьоном после бритья — возможно, краденым, — джинсы отглажены, шевелюра волосок к волоску, «картина» навощена до блеска. Среди всех Лениных знакомых у него одного ногти на руках были не ломаные. А вот сегодня одет во все новехонькое вплоть до ботинок — да и недешево одет вдобавок, — зато волосы свисают на уши и лезут в глаза. Пытался он их пригладить, но они слишком отросшие, не слушаются. Если Джонни Редди вернулся домой слишком влопыхах, чтоб подстричься, это значит, что настигали его неприятности.

Когда Трей с Банджо отправляются к Лене, на часах уже десять и длинный летний вечер истек. На просторах тьмы вьются мотыльки и летучие мыши; Трей проходит между полями и слышит, как, устраиваясь спать, неспешно возятся коровы. В воздухе по-прежнему дневной жар — поднимается от земли. Небо ясно и полно звезд: завтра опять жаркий день.

Трей перебирает в голове всякое, что помнит об отце. Мыслей о нем с тех пор, как уехал, на него она особо не тратила, а потому отыскать то, о чем вспомнить, удастся не сразу. Ему нравилось отвлекать мамку, хватать ее, когда она чистила плиту, и танцевать с ней по кухне. Бывало, когда примет на грудь и что-то пойдет не так, поколачивал их. А бывало, играл с ними, будто сам малой. Они с Бренданом — старшим братом Трей — брали младшеньких на спины, как ковбоев, и гоняли Трей с Мэв по двору, пытались словить. Ему нравилось им всякое обещать и смотреть, как озаряются у них лица, если сказать, что отвезет их в цирк в Голуэй или купит игрушечную машинку, которая умеет забираться на стенки. Обещания свои он, похоже, не стремился выполнять — более того, всегда вроде

как удивлялся и обижался, если его спрашивали. Через сколько-то Трей играть в ковбоев бросила.

Дом у Лены светится — три маленьких чистых прямоугольника желтизны среди громадных черных полей. Ее собаки Нелли и Дейзи докладывают хозяйке, что идут Трей с Банджо, — не успевают они оказаться у калитки, Лена отворяет дверь и ждет их, стоя в свете. При виде Лены мышцы у Трей слегка расслабляются. Лена высокая и крепко сбитая, фигуристая, скулы широкие, широкий и рот, тяжелые светлые волосы и очень синие глаза. Все в ней веско, ничто не половинчато. Кел такой же: выше всех мужчин, кого Трей знает, грудь широченная, густая каштановая шевелюра и густая каштановая борода, руки — лопаты. Сама Трей вся заточена под верткость и неприметность, и ей это по нраву, зато крепость Кела с Леной ей глубоко приятна.

— Спасибо, чтопустила, — говорит Трей с порога, вручая Лене пакет-струну, набитый мясом. — Кролик.

— Большое тебе спасибо, — говорит Лена. Ее собаки вьются между Трей, Банджо и пакетом. Лена прикрывает им ладонью носы, отводит подальше от мяса. — Сама добыла?

— Ну, — отвечает Трей, заходя вслед за Леной в дом. У Кела есть охотничье ружье и кроличий выводок на участке. Кролик — его затея: Кел считает, что для приличия нужно принести хозяйке гостинец. Трей одобряет. Оставаться в долгу — даже перед Леной — ей неприятно.

— Свежий, вечерний. Надо, чтоб в холодильнике денек полежал, не то жесткий будет. А потом можно и в морозилку.

— Может, завтра съем. Давно крольчатины у меня не было. Как вы с Келом его жарите?

— В чесноке и всяком таком. И потом с помидорами и перцами.

— А, — отзывается Лена. — Помидоров у меня нету. Надо бы взять у Норин, но тогда она полезет спрашивать, что я собираюсь готовить, где взяла кролика да что ты у меня тут делаешь. Даже если ничего не сказать, сама на мне унюхает. — Норин, Ленина сестра, заправляет деревенской лавкой — а заодно и всей остальной деревней.

— Может, уже знает, — говорит Трей. — Про отца моего.

— С нее станется, — говорит Лена. — Но фору ей давать незачем. Пускай сама потрудится. — Она убирает кролика в холодильник.

Стелют Трей в свободной комнате, она большая, выкрашена в белый, в ней много воздуха. Кровать широкая и крепкая, с шишаками на стойках — ей, по прикидкам Трей, лет семьдесят-восемьдесят, из видавшего вида дуба. Лена сдергивает с нее и складывает лоскутное покрывало.

— Это тебе в такую жару не понадобится.

— Кто еще тут бывает? — спрашивает Трей.

— Последнее время никого. Мы с Шоном принимали, бывало, по выходным друзей из Дублина. Как Шон помер, я сколько-то не имела желания никого видеть. Так и растеряла всю привычку. — Лена бросает покрывало в сундук у изножья кровати. — Твой отец заглядывал сегодня после обеда.

— Сказала ему, что я приду? — в упор спрашивает Трей.

— Не говорила. Но мамке твоей написала.

— А она чего?

— «Шикарно». — Лена берет простыню со стопки на стуле, растряхивает ее. — Эти у меня повисели на веревке немножко, должно быть, более-менее проветрились. Сама что думаешь про отцово возвращение?

Трей пожимает плечами. Лена плещет простыней, Трей ловит два уголка, натягивает на матрас.

— Мамка могла б послать его нахер, — отвечает.

— Имела бы полное право, — соглашается Лена. — Но не особо-то он ей такую возможность дал все ж. Небось заявился на порог с широченной улыбкой и поцелуем и зарулил в дом по-быстрому, пока она не опомнилась. А когда собралась с мыслями, уже поздно было.

Трей осмысляет сказанное. Похоже на правду.

— Может, завтра, — говорит.

— Может, — соглашается Лена. — А может, и нет. Женильба — дело чудное.

— Женильба никогда не буду, — говорит Трей. До самого мозга костей засело в ней недоверие к браку и чему угодно похожему. Она знает, что Лена иногда остается на ночь у Кела, но у Лены есть и свой дом, куда она может уйти когда вздумается, где право слова и право входа только за Леной. Трей считает, что только такой расклад и имеет смысл.

Лена дергает плечами, натягивая потуже угол простыни.

— Найдутся такие, кто тебе сказал бы, что еще передумаешь. Кто его знает. Некоторым женитьба годится — хотя бы на время. Но не всем.

Трейн вдруг спрашивает:

— Ты замуж за Кела пойдешь?

— Нет, — отвечает Лена. — Замужем мне, в общем, нравилось, но с меня хватит. Нравится как есть.

Трейн кивает. От такого ей облегчение. Вопрос этот крутился у нее в голове уже какое-то время. Она одобряет то, что Кел с Леной вместе, — заведи кто-то из них себе кого-то, возникли бы сложности, — но Трейн нравится так, как у них вышло, то есть что живут они порознь.

— Предложения мне, между прочим, поступали, — добавляет Лена, набрасывая верхнюю простыню поверх натянутой. — Бобби Фини заходил пару лет назад, весь опрысканный своим лучшим воскресным, с букетом гвоздик, — объяснить, чем он будет хорош как второй муж.

Трескучий смешок вырывается у Трейна, не успевают она осознать его на подходе.

— Вот не надо только, — укоризненно говорит Лена, — он вусмерть серьезный был. Все обдумал. Сказал, от меня прок будет с овцами, поскольку умею со скотиной обращаться, а он рукастый в смысле чинить то-се, мне поэтому не придется беспокоиться, что предохранитель сгорит или где там ручка от двери отвалится. Поскольку для детишек я старовата, ждать, что он отцом станет, незачем, да и сам он не цыпленочек, а потому без конца лезть ко мне не будет. По вечерам в основном в пабе сидит или в горах НЛО ловит, под ногами путаться не станет. Беспокоит его только, что маманя меня не одобряет, но он уверен, что в конце концов образумится, особенно если я рисовый пудинг умею. Судя по всему, миссис Фини ради рисового пудинга на муки смертные готова.

Трейн все лыбится.

— А ты ему что?

— Бобби годный, — отвечает Лена. — Ужасный идиёт, но это я против него не держу, он такой с пеленок. Я ему сказала, что доводов хороших у него много, но я уже слишком привыкла к своим прихватам и меняться мне поздно. Дала ему банку своего ежевичного повидла

для мамани, чтоб в рисовый пудинг добавляла, да и отправила восвояси. На мой глаз, повидло его осчастливило сильнее, чем я б сама смогла. — Бросает Трей наволочку. — Можешь Банджо сюда пустить, если хочешь.

— Он на постель влезет.

— Я не против. Лишь бы не обмочил.

Трей спрашивает:

— На сколько мне тут можно остаться?

Лена смотрит на Трея.

— Завтра сходи домой, — говорит она. — Глянешь, что к чему, — денек-другой-третий. А дальше разберемся по ходу дела.

Трей не утруждается спорить. Лену уламывать трудно.

— А потом можно я приду?

— Возможно — если захочешь. Поживем — увидим.

— Я ее воском натру, — говорит Трей, кивая на кровать. — Надо освежить.

Лена улыбается.

— Не повредит, это точно, — говорит. — Давай поспи-ка чуток. Сейчас дам тебе футболку.

Футболка пахнет сухим солнцем и Лениным стиральным порошком — он не такой, как у мамки Трей. Некоторое время Трей лежит без сна, слушает приглушенные стуки и шорохи, пока Лена за стенкой готовится ко сну. Трей нравится ширина этой кровати, нравится, что в паре шагов не шмыгает носом, не лягается и раздраженно не болтает сама с собой Мэв. Даже во сне Мэв не довольна почти ничем.

Ночь здесь звучит иначе. На горе ветер всегда драчлив, бросается в расшатавшиеся оконные переплеты и бормочет беспокойно в деревьях, смазывает любые другие звуки. Здесь же Трей слышит отчетливо: звонкий треск ветки, сову на охоте, молодых лис, что ссорятся где-то в полях. Банджо у нее в ногах переворачивается на другой бок и исторгает глубокий сладостный вздох.

Пусть и кровать, пусть и покой, а Трей все равно не спится. Чувствует, что надо быть наготове — на всякий случай. Чувство это и знакомое, и неведомое одновременно. Трей приметлива к тому, что снаружи, и нелюбопытна к тому, что внутри нее, а потому не сразу распознаёт, что так она себя чувствовала почти все время вплоть до

последней пары лет, до Кела и Лены. Оно, это чувство, блекло постепенно, Трей и забыла, что оно у нее было, — до сего дня.

Трей очень ясно, что ей нравится, а что нет, и ее жизнь ей нравилась куда больше такой, какой та была сегодня утром. Она тихонько лежит в постели, прислушивается к существам, что двигаются за окном, и к ночному ветру, пробирающемуся с горы вниз.

2

Следующий день таков же, как и предыдущий, роса под синим пустым небом выгорает быстро. Кел выходит на связь с Леной, та докладывает, что с Трей все шикарно и она съедает в доме все, кроме собачьего корма, после чего Кел проводит остаток утра у себя на выгоне, где у него огород. В прошлом году овощи растили себя более-менее сами, Келу нужно было только оберегать их от грачей, слизней и кроликов, а это он обустроил посредством пивных ловушек, сетки, Драча и пугала. Пугало пережило несколько стадий. Кел и Трей изначально соорудили его из старых джинсов и рубашки Кела. Затем Лена откопала сколько-то старых платков, чтобы пугало зрелищнее развевалось, но тут воспротивился Март, ближайший сосед Кела, — теперь пугало, дескать, смотрится так, будто танец семи вуалей того и гляди начнет, а это отвлечет всех престарелых холостяков в округе и станет помехой в сборе урожая, а также приведет к пренебрежению овцами. Катастрофу он предотвратил, притащив что-то очень похожее на сутану и натянув ее на пугало. Через пару недель Кел вернулся домой из магазина и обнаружил, что кто-то — доселе не опознанный — приделал пугалу надувные нарукавники и надувной же розовый плавательный круг «Мой малютка пони» с головой единорога. Невзирая ни на какие перемены в наряде, грачи к концу лета пугало раскусили, о чем недвусмысленно дали понять, используя его как игровую конструкцию, совмещенную с туалетом. Этой весной, когда попер ранний латук, Кел с Трей применили изобретательность и соорудили новое пугало из пластикового зомби, которого Кел откопал в интернете. Включается он от движения: когда б кто к нему ни приближался, глаза у него загораются красным, зубы клацают, он машет руками и порывается. Пока это пугает грачей до усрачки. Кел ожидает, что как только сообразят, что к чему, они вдумчиво и изощренно отомстят.

В этом году из-за жары все растет иначе. Растения нужно постоянно поливать и куда более пристально пропалывать — этим Кел сегодня с утра и занят. Почва не такая, какая была прошлым летом, теперь она менее богатая и плотная, протекает сквозь пальцы Кела,

а не липнет к ним, запах у нее резче, едва ли не лихорадочный. Кел знает из интернета, что такая погода подпортит ему вкус пастернака, зато помидорам благодать. Некоторые уже размером с кулинарное яблоко и даже краснеют.

Драч, вынюхивающий кроличьи тропы, вдруг взлаивает тоном сенбернара. Со своими габаритами Драч примириться так и не смог. В собственных глазах он тот, кто гоняется за беглыми каторжниками и глотает их целиком.

— Что у тебя там? — оборачиваясь, спрашивает Кел.

Ожидает увидеть птенца или полевую мышь, но голова у Драча вскинута. Он показывает, дрожа, на человека, идущего через поле.

— Сидеть, — говорит Кел. Выпрямляется и ждет, когда человек до них доберется. Солнце в зените, у человека тень — мелкое нечто, болтается и мерцает у него под ногами. Его очерк оплавлен жарой.

— Красавец пес у вас, — говорит человек, подойдя поближе.

— Хороший пес, — говорит Кел. Понимает, что человек этот — примерно ему ровесник, к пятидесяти, но на вид моложе. Лицо у него задумчиво-мечтательное, тонкокостное, и он поэтому не кажется просто работягой из ирландского захолустья. В кино такой играл бы обманутого джентльмена, который заслуживает того, чтоб ему вернули его титул и выдали в жены самую смазливую девушку. Кел ошеломительно, зверски рад, что человек этот совершенно не похож на Трей.

— Джонни Редди, — говорит человек, протягивая Келу руку.

Кел вскидывает руки, густо измаранные землей.

— Кел Хупер.

Джонни щерится.

— Знаю, а то. Вы крупнейшая новость в Арднакелти с тех пор, как овца Пи-Джея Фаллона объегнилась двухголовым барашком. Как вам это место?

— Не жалуясь, — говорит Кел.

— Ирландия радушия^[2], — говорит Джонни, оделяя Кела мальчишеской улыбкой. Взрослым мужчинам с мальчишескими улыбками Кел не доверяет. — Я вроде как спасибо вам должен. Хозяйка моя говорит, вы жуть какой добрый к нашей Терезе.

— Не надо никакого спасибо, — говорит Кел. — Без ее помощи я б и вполтину так скоро с этим домом не управился.

— А, рад слышать. Не хотел бы, чтоб она вам мешала.

— Нисколько, — говорит Кел. — Превращается будь здоров в какого рукастого столяра.

— Я видал тот журнальный столик, какой вы хозяйке смастерили. Славные изящные у него ножки. Я б у какой девоньки такие ножки повидал бы. — Ухмылка Джонни ширится.

— Это все малая, — говорит Кел. — Я к той вещи не прикасался.

— Не знаю, откуда в ней это взялось вообще, — говорит Джонни, ловко меняя тактику, раз чисто по-мужски поржать не вышло, хоть он на то и нацеливался. — Попробуй я такое, оказался бы в травмпункте. Последний раз с деревом возился в школе. Ничего не добился, кроме десяти швов. — Показывает Келу шрам на большом пальце. — И подзатыльник от учителя еще — за то, что школьную собственность кровью залил.

— Что ж, — говорит Кел, — не бывает так, чтоб у всех дарования одинаковые. — В Келе Джонни будит порыв обыскать его и поинтересоваться, куда направляется. Такие вот ребята пробу на запах не выдержат, даже если просто в магазин выйдут, задача хорошего легавого — выяснить, уже ли эти ребята вытворяют что-то стремное или возьмутся за такое рано или поздно — скорее рано. Кел напоминает себе, чего ему уже давно не приходилось делать, что стремность, хоть близкая и неминуемая, хоть какая еще, — больше не его печаль. Он жестом отпускает Драча — псу нейметса разобраться. Драч описывает вокруг Джонни круги, решая, следует ли Джонни уничтожить.

— А теперь вот Тереза мастерит журнальные столики, — говорит Джонни, протягивая Драчу руку на понюшку. Зачарованно качает головой. — В пору, когда я был молодым парнишкой, народ бы насадился ржать. Сказали бы, что вы время тратите, обучая девчонку, ей бы жареху стряпать.

— Да ладно? — учтиво отзывается Кел. Драч, существо разумное, нюхнул Джонни всего разок и решил, что время полезнее тратить, закусывая блохами с собственной задницы.

— Ой да, чувак. Парни вас в пабе не чморят за это?

— Я не в курсе, — говорит Кел. — В основном им нравится, когда им мебель чинят.

— Ума-разума мы нажили, — говорит Джонни, вновь меняя тактику. Кел понимает, чего Джонни хочет: прощупывает его, метит разобрать, что он за человек. Кел и сам проделывал такое не раз. Сейчас никакой нужды в этом он не чувствует, о Джонни ему и без того понятна уйма всякого. — Здорово это для Терезы — такая возможность. Хорошему столяру всегда место найдется, она куда угодно сможет податься, по всему свету. Вы сами-то этим и занимались до того, как сюда приехать?

Ни черта не может быть, что Джонни не в курсе, чем Кел занимался.

— Не, — отвечает Кел. — Я был полицейским.

Джонни изумленно вскидывает брови.

— Вот молодец-то. Кишка при такой работе нехилая нужна.

— С такой работой можно выплачивать ипотеку, — произносит Кел.

— Полицейского будь здоров как ценно иметь под рукой — в таком-то захолустье, как тут. Уж конечно, если что срочное, идиётов этих из городка ждать будешь не час и не два, и это еще если они удосужатся зады свои от стульев оторвать ради чего угодно мельче убийства. Знавал я одного парнишку, было дело, имен не называем, так он дурного потина^[3] перебрал и нацело слетел с катушек. По дороге домой заблудился, оказался на чужой ферме. Наорал там на хозяйку дома, пусть, дескать, расскажет, что сделала с его супружницей и их диваном. Все вокруг себя разгромил.

Кел свою роль играет, посмеивается. Дается проще, чем должно бы. Джонни байку травит хорошо, с видом человека, у которого в руке пинта, а впереди целый вечер в славной компании.

— В конце концов спрятался под столом. Грозил ей солонкой, орал, что если сама она или еще какой бес к нему подберется близко, он их всех солью засыплет до смерти. Она заперлась в сортире и давай звонить в Гарду^[4]. В три часа ночи дело было. Когда они хоть кого-то заморочились прислать, перевалило за полдень. К тому времени парняга проспался в кухне на полу и умолял несчастную женщину простить его.

— И простила? — спрашивает Кел.

— Ай, да конечно. А то, она ж его знала с тех пор, как оба малявками были. А вот Гарду городскую не простила ни в жисть. Я б

сказал, городок на седьмом небе от счастья, что вы тут теперь есть.

Ни черта не может быть и того, что Арднакелти на седьмом небе от счастья, что тут поселился легавый. Как и всякое место в глухомани, Арднакелти принципиально противится легавым, независимо от того, занимается ли кто-то чем-то таким, что легавому может быть интересно. Кела Арднакелти впускать готова, однако вопреки его бывшей работе, а не благодаря ей.

— По этой части я им без толку, — говорит Кел. — Я отошел от дел.

— Ай да ладно, — говорит Джонни, улыбаясь плутовски. — Хоть раз полицейский — всегда полицейский.

— Так говорят, да, — отзывается Кел. — Сам-то я полицейского не врубаю, пока мне за это не заплатят. Нанимаете?

Тут Джонни хохочет щедро. Кел на этот раз не подключается, и Джонни угомоняется и серьезнеет.

— Что ж, — говорит, — для меня это, видимо, хорошо. Как по мне, так пусть уж лучше Тереза развивает вкус к столярному делу, а не к полицейскому. Дурного про такую работу не скажу, я к ней со всяким почтением, однако ж и риски в ней есть — а то, кому я рассказываю? Не хотел бы я, чтоб она под ударом оказывалась.

Кел понимает, что с Джонни надо поласковой, но вразрез с таким намерением прет позыв всыпать этому кенту. Ясное дело, Кел такого делать не станет, но даже представляя это себе, получает некоторое удовлетворение. В Келе шесть футов четыре дюйма и телосложение соответствующее, а за два года ремонта этого дома и помощи на разных соседских фермах в форму он пришел лучшую, чем та, в какой был в свои двадцать, пусть даже какое-никакое брюшко отрастил. Джонни же — тощий недомерок, чей главный борцовский навык, по всей видимости, состоит в том, чтобы уговаривать других драться вместо него. Кел прикидывает: если разбежаться и под удачным углом приложить носком ботинка, этого мелкого говнюка можно отправить напрямик через грядку с помидорами.

— Постараюсь приглядеть, чтоб она себе палец не отпилила, — говорит. — Хотя гарантировать не могу.

— Ай, понимаю, — говорит Джонни, пригибая шею чуточку застенчиво. — Просто самую малость побережь ее хочу, вот и все.